

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 323.113.01(=161.1)

DOI 10.26425/1816-4277-2020-12-152-157

**Омельченко Николай
Алексеевич**

д-р истор. наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5872-1567
e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

РУССКИЙ ЭТАТИЗМ И РУССКИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМАЦИИ

Аннотация. Рассмотрены идейные и политико-культурные предпосылки петровских государственных преобразований, сформировавшиеся, по мнению автора статьи, задолго до петровской реформации и оказавшие значительное влияние на сам ход и саму модель созданного Петром I «регулярного» (военно-полицейского) государства. К числу основных из таких предпосылок отнесены этатизацию (огосударствление) общества и связанный с ней патерналистский характер государственных отношений, составлявших традиционные основы отечественной государственности и усилившиеся в XVII века условиях выхода России из Смуты и восстановления разрушенной в смутное время национальной государственности. Исследованы причины формирования указанных особенностей развития отечественной государственности, главные из которых предложено искать в цивилизационных и геополитических особенностях формирования и эволюции русского государства, слабости институциональных оснований русской политики, стилиевых особенностях русского православия и ряда других факторов.

Ключевые слова: вотчинная психология, геополитический фактор, институциональная неопределенность, Московское царство, патернализм, политическая культура, российская идентичность, этатизация общества, этатизм

Для цитирования: Омельченко Н.А. Русский этатизм и русский патернализм в политическом процессе России накануне Петровской Реформации//Вестник университета. 2020. № 12. С. 152–157.

Nikolai A. Omelchenko
Doctor of Historical Sciences,
Professor, State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5872-1567
e-mail: nik_omelchenko@mail.ru

RUSSIAN ETATISM AND RUSSIAN PATERNALISM IN THE POLITICAL PROCESS OF RUSSIA ON THE EVE OF PETER THE GREAT'S REFORMATION

Abstract. The article considers ideological, political and cultural prerequisites of the Peter the Great state reforms that, according to the author, were formed long before the Peter's Reformation, and had a significant impact on the course and model of the "regular" (military- police) state created by Peter the First. Among the main prerequisites are the etatization (nationalization) of society and the associated paternalistic nature of state relations, which formed the traditional foundations of national statehood and strengthened in the 17th century in the context of Russia's withdrawal from the Turmoil and the restoration of the national statehood destroyed in the time of troubles. The paper investigates the reasons for the formation of these features of the development of national statehood, the main of which the author proposes to search in the civilizational and geopolitical features of the formation and evolution of the Russian state, the weakness of the institutional foundations of Russian politics, stylistic peculiarities of Russian Orthodoxy and a number of other factors.

Keywords: etatism, etatization of society, geopolitical factor, institutional uncertainty, Moscow kingdom, paternalism, patrimonial psychology, political culture, Russian identity

For citation: Omelchenko N.A. (2020) Russian etatism and Russian paternalism in the political process of Russia on the eve of Peter the Great's Reformation. *Vestnik universiteta*. I. 12, pp. 152–157. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-12-152-157

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 20-09-42064.

© Омельченко Н.А., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Долгое время общим местом большинства отечественных и зарубежных исследований российской истории являлись в лучшем случае недооценка, большей частью принижение действительного значения XVII в. в исторической эволюции средневековой Руси на путях превращения ее в современное европейское государство. Принято было принципиально противопоставлять динамичную петербургскую эпоху в истории России отсталому и «неподвижному» московскому царству, казавшемуся заезжим иностранным «гостям» диким и невежественным. Стало прочной традицией и хрестоматийным примером акцентировать внимание на деятельной активности Петра I, которого привычно именуют «революционером на троне», и наоборот, представлять образ его предшественника на троне царя Алексея Михайловича (отца Петра I) как царя «тишайшего».

Заметим, что на фоне обозначившегося в последние годы интереса исследователей к содержанию и особенностям происходивших в XVII в. модернизационных процессов, предшествовавших реформам Петра I, как и к самой петровской реформации, был опубликован целый ряд научных статей, монографий и исторических романов, авторы которых по-разному характеризуют и оценивают значение допетровской и петровской эпохи в развитии России. При этом, если одни исследователи пытаются объективно осмыслить действительное положение вещей, то для других авторов характерно стремление ограничиться «сменой вех»: меняя устоявшиеся в историографии положительные оценки петровских преобразований на противоположные, они часто, без достаточного на то основания, преувеличивают достижения допетровской Руси. С одной стороны, в последние годы опубликовано значительное число работ, авторы которых обращают внимание преимущественно на негативные стороны реформаторской деятельности Петра I, сделавшего Россию, по их мнению, «сырьевым придатком» и «политическими задворками» Европы [1, с. 3]. С другой стороны, появился ряд публикаций, оценивающих реформаторские планы и государственные деяния Петра I исключительно с позиций злого умысла «коронованного палача-маньяка», результаты деятельности которого способствовали превращению богатой демократической Московии в «нищее примитивное рабовладельческое государство» [2], что, безусловно, можно рассматривать как явное упрощение.

Мы придерживаемся здесь той точки зрения, согласно которой процесс исторической эволюции Московского царства в XVII в. был значительно более сложным и неоднозначным. С этой точкой зрения солидарен известный современный историк С. В. Перевезенцев, считающий, что XVII столетие являлось «своего рода переходным временем в истории России — от России древней, традиционной, к России новой». По мнению исследователя, XVII в. «оказался весьма противоречивым и вместе с тем очень динамичным периодом во всей отечественной истории. С одной стороны, в это время своего завершения достигает традиционная русская культура (политическая, экономическая, социальная, бытовая и др.). С другой, — в недрах традиционной культуры, а нередко и вопреки традициям, зарождаются совершенно новые тенденции, во многом связанные с освоением западноевропейского опыта» [6, с. 114–115].

Своего рода попыткой «реабилитации» XVII в., с позиций необходимости переосмысления его места и значения в исторической эволюции российской государственности можно считать научные труды профессора МПГУ, автора ряда публикаций, посвященных самодержавному царству первых Романовых Г. В. Талиной. В них всесторонне исследуется вопрос, насколько реальной была возможность выбора между национальным и европейским путем развития Русского государства в исследуемый исторический период. Рассматривая модели развития государства и властных отношений, которые предлагались в XVII в., Г. В. Талина делает важный вывод, что многое из того, что произвел в системе власти и управления Петр I, было уже в значительной мере произведено в предшествующий петровским реформам период [7].

Совершенно очевидно, что для правильного и объективного понимания предшествовавшей петровской реформации исторической эпохи необходим внимательный и всесторонний научный анализ идейных и политико-культурных оснований, объясняющих специфику и основной тренд развития отечественной государственности в указанный исторический период. Этот анализ не исчерпывается указанием на исторически обусловленную тенденцию к персонификации политики, характерным чертой которой стало преобладание неформальных личностных отношений в системе государственной власти и управления. Не меньшее значение имели сформировавшиеся на заре российской государственности и усилившиеся в XVII в. этатизация (огосударствление) общества и связанный с ней патерналистский характер государственных отношений.

Под понятием «этатизм», как одной из характерных черт отечественной политической культуры, принято понимать преобладающую роль государства и его институтов в жизни общества («этатизацию общества»).

Сформировавшаяся под воздействием ряда объективных и субъективных факторов эта особенность российской политики в течение многих веков определяла основное содержание общественно-политического развития страны. Уже в период Московского царства сформировался ряд характерных для последующего развития черт российской государственности, нашедших, по мнению современных исследователей, свое воплощение, наряду с традиционным для средневековой Руси вотчинным типом правления, в мобилизационном типе развития общества и служилом характере государства.

В значительной мере указанные черты политического развития России объяснялись слабостью институциональных оснований российской государственности. С учетом своеобразия исторических условий формирования и эволюции национальной государственности слабость институциональных оснований государственного развития неизбежно вела к персонификации властных отношений, основу которой составляли неформальные, личностные отношения в системе государственного управления. В перспективе эти особенности властных отношений, отмеченные многими исследователями отечественной государственности, не только предопределили изначальную неустойчивость государственной власти в российском политическом процессе, но и во многом обусловили кризисный потенциал большинства российских модернизаций. Вне зависимости от стремления реформаторов российской государственности ввести в русскую систему власти и управления элементы западноевропейской рациональности, институциональная неопределенность и господство неформальных отношений оставались незыблемыми на всех этапах политического развития России.

В эпоху Московского царства основными факторами такой парадигмы государственного развития являлись, во-первых, изначальная несамостоятельность русской аристократии в лице московского боярства, во-вторых, что не менее важно, неразвитость русских сословий, в первую очередь, городского сословия (среднего класса), не имевшего возможности в отличие от большинства стран Западной Европы, составить реальную оппозицию центральной власти, ограничить ее произвол и бесконтрольность. В сравнении с большинством стран Западной Европы отличительной чертой сословий в Московском царстве являлся их служилый характер: если в странах Европы сословия рано обрели права и сословные привилегии, то в условиях России они различались, как очень тонко подметил В. О. Ключевский не столько правами, сколько повинностями [5, с. 76].

Не в последнюю очередь эти обстоятельства способствовали формированию, как считает ряд историков, «вотчинного» типа московского политического режима, коренившегося в утверждавшейся в условиях привычке московских властей управлять страной с помощью бывших вотчинников, военных слуг, привыкших относиться к государству и его народу как к своей «вотчине», своей личной собственности. В этой вотчинной психологии московской правящей элиты коренились многие причины, создававшие благоприятные условия для злоупотреблений и произвола власти. Все это придавало Московскому царству характер восточного абсолютизма, что по своей сути противоречило объявленным созидательным целям московских государей-объединителей. На это обстоятельство указывал В. О. Ключевский, писавший, что в московских князьях, ставивших целью объединение русских земель, продолжали «бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». По мнению ученого, острота многих проблем в политическом развитии Московской Руси по большей части объяснялась «этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей к гибели» [3, с. 195].

Усиливавшемуся произволу власти не в малой степени способствовало отсутствие в общественно-политическом развитии России прочной традиции и развитого института частной собственности. В этой связи нельзя не вспомнить точное наблюдения историка В. О. Ключевского, справедливо заметившего, что в отличие от большинства европейских государств в основе способа производства в России на протяжении всей ее истории находились не проблемы собственности, а проблемы власти, собственность выступала продолжением и функцией власти. Эта специфика русских государственных отношений, основу которых составляла государственная собственность (в некотором смысле обусловленная длительной зависимостью русского государства от Золотой Орды, «монгольским правом на землю», не могла не привести к ставшему преобладающим в политике московских властей административному произволу и деспотическому властвованию, подавлявшим свободу и права личности [8].

Особое место в ряду факторов, обусловивших формирование отмеченных особенностей политического развития предшествовавшего петровской эпохе исторического периода, принадлежит геополитическому фактору формирования отечественной государственности, связанному, в первую очередь, с огромностью пространств,

на которых создавалось и укреплялось русское государство. По меньшей мере трудно согласиться с мнением, согласно которому истоки своеобразия русского исторического процесса следует искать исключительно в полиэтничности и поликонфессиональности русского общества. В известном смысле это своеобразие было изначально заложено «в сочетании распыленности этносов с компактностью их проживания, в отсутствии естественных границ, на которых можно было бы закрепиться» [4, с. 15]. В значительной мере именно необъятными размерами русского государства и его континентальным характером было обусловлено активное вмешательство государства во все сферы общественной и частной жизни, что со временем сформировало особую мобилизационно-распределительную модель государственного управления в России. Вызванная к жизни особыми условиями формирования русского централизованного государства в XVI–XVII вв., эта модель управления обществом основывалась на силовых методах властвования и призвана была мобилизовать распыленные на огромных пространствах материальные и людские ресурсы в стране.

Отдельного разговора заслуживают современные оценки характера русского «патернализма» и патерналистских черт в массовом сознании российского общества, как одной из составляющих русской политической культуры. Трагуемый в привычном смысле слова как «отеческая забота» о незащищенных слоях общества патернализм как социальное явление приобретал в российском историческом контексте специфическую окраску и свое самобытное содержание. Его характер был предопределен обусловлены вековыми традициями самодержавной монархии, воспитавшими в массовом сознании устойчивую веру в высшую справедливость державного правителя, царской милости. Здесь важно отметить два обстоятельства, во многом объясняющие отмеченные особенности. Первое обстоятельство состоит в том, что в сравнении со многими европейскими странами, строивших государственные отношения на принципах формального закона и права, в русской государственной традиции общество не было отделено от государства, глава государства, русский «государь» в этой системе отношений представлялся полновластным хозяином, единовластно управлявшим «своим хозяйством». Не меньшее значение имело также то, что в отличие от западных обществ русские люди иначе относились и к государству, и к его представителям. Эти отношения у русских людей были в большей степени эмоциональными, личностными, чем правовыми, так же как русские люди изначально отличались своей «антикапиталистической» ментальностью, не считавшей европейский принцип частной собственности «священным принципом» (русский человек ментально считал идеалом не богатую, а «святую Русь») [5, с. 74]. Следует также учитывать коллективистский характер русского человека, в рамках которого русские люди всегда отдавали предпочтение общим интересам в ущерб своим личным.

Важное политическое значение в сложном процессе становления и развития российской государственности принадлежало принятию древней Русью православного христианства, положившему начало длительным каноническим и, в известном смысле, политическим отношениям между Русским государством и Византией. Тесное общение с Византией, ускорив процесс консолидации древнерусского общества, способствовало также обретению русской цивилизацией некоторых стилевых особенностей. Эти особенности касались, в первую очередь, самого типа социальных связей в русском обществе, которые существенно отличались от типа социальных связей в западных обществах. Эта мысль была главной в историософии русских славянофилов, противопоставлявших западным обществам, основанным, по их убеждению, на порожденных римским наследием голом рассудке, индивидуализме и эгоизме, древнерусскому обществу, не знавшему эгоистического индивидуализма и сословной ненависти, объединенному духовными скрепами, общинно-семейным характером отношений.

В ряду других основных причин, оказавших влияние на широкое распространение патерналистских традиций в русском обществе, исследователи выделяют события, связанные со смутным временем в истории русского государства. Явившиеся первым в истории страны мощнейшим государственным кризисом, смутное время вызвало к жизни, наряду с сопровождавшим Смуту усилением произвола власти на всех уровнях управления, глубочайший духовный кризис, падение нравственных устоев, что, по мнению специалистов, являлось прямой угрозой православной самоидентификации русского народа. Исторические источники свидетельствуют, что Лжедмитрий I, коронованный в Успенском соборе московского Кремля под видом чудом спасшегося сына Ивана Грозного царевича Дмитрия, не только способствовал наводнению русской столицы польской шляхтой. Тайно перейдя в католичество, кроме обязательства о передаче Польше западных русских территорий, он обещал содействовать распространению в Русском государстве католической веры.

Характерно, что при новом самозванце Лжедмитрии II ряд видных представителей русской аристократии, принадлежавших к тушинскому лагерю, согласились на заключение договора с Польшей, предусматривавшего предварительное избрание на русский престол сына польского короля королевича Владислава (договор содержал условие, сохранявшее самостоятельность Московского царства и православие). Именно эти обстоятельства смутного времени имел в виду русский философ Н. А. Бердяев, заметивший как-то, что в Смуте нашла подтверждение необоснованность национально-религиозного мессианства русского государства, призрачность его претензий быть «третьим Римом».

Все это не могло не отразиться на самочувствии большинства русского населения, в сознании которого росло убеждение о важности государственного порядка и ценности государства как единственного гаранта стабильности и порядка в обществе, защиты прав и обеспечения безопасности личности. Только этим можно объяснить ту активную поддержку, которую находили в широких массах самые непопулярные меры московского правительства, предпринимаемые при выходе из Смуты с целью преодоления ее последствий и восстановления до основания разрушенного государства.

Значительное влияние на развитие патерналистских черт в общественно-политическом развитии Московского царства оказали формирование к середине XVII в. органов полиции и развитие полицейского права (именуемого в то время «полицейстикой»), отразившие общую тенденцию большинства государств того времени по организации внутреннего (полицейского) управления в государстве. По характеру решаемых задач, полицейская деятельность, именуемая в то время «благочинием» (как деятельность по охране порядка и безопасности в государстве), призвана была обеспечить государственную безопасность и благосостояние общества. В концептуальном плане становление полицейстики и полицейской деятельности было обусловлено слабостью институциональных оснований государственной политики и знаменовало утверждение новой модели правового регулирования государственной власти и управления.

Негативным последствием этих процессов стало усиление охранительной роли государства, что в перспективе вело к формированию и укреплению абсолютизма, отличительную черту которого, как известно, составляли этатизация (огосударствление) общества, стремление власти опекать общество, регламентировать все стороны жизни граждан. В этих условиях деятельность полиции приобретала всеобъемлющий характер: под предлогом заботы об общем благе она могла беспрепятственно вмешиваться во все области общественного развития.

Мы рассмотрели основные факторы, сформировавшие идейные и политико-культурные условия для утверждения патерналистских отношений в московском государстве, которые в трансформированном виде в царствование Петра I стали преобладающими, определяя многие стороны жизни государства и общества. В петровской государственной политике патернализму, как основной характеристике отношений народа и власти, отводилось исключительное место, что позволяет говорить о формировании при Петре Великом базовых оснований «патерналистского государства». В петровской модели государственного развития государство становится предметом нового культа, самодостаточным институтом и, по большому счету, новой основой российской идентичности. В этой системе ценностей государственные («державные») интересы занимали господствующее место, встав над интересами общества и личности. Стремление центральной власти к тотальной регламентации всех сфер жизни общества, к повседневной опеке населения страны под многообещающим предлогом заботы об общем благе, равно как и усиление в этот период роли военных в системе государственного управления неизбежно должны были привести к утверждению военно-бюрократического и полицейско-патерналистского характера петровского «регулярного» государства.

Библиографический список

1. Богданов, А. П. В тени Великого Петра. – М.: Армада, 1998. – 329 с.
2. Буровский, А. М. Петр Окаянный. Палач на троне. – М.: Армада, 2013. – 390 с.
3. Ключевский, В. О. О русской истории [Сборник] / Сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов; под ред. В. И. Буганова. – М.: Просвещение, 1993. – 576 с.
4. Морозов, С. А. Культура политического управления. – Краснодар, 1999. – 168 с.
5. Омельченко, Н. А. Русский этатизм и «русский нигилизм» в политическом процессе России конца XIX – начала XX вв. // Управление. – 1918. – Т. 6, № 2 (20). – С. 74, 76.

6. Перевезенцев, С. В. Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. – М.: Академический проект, 2018. – 571 с.
7. Талина, Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII в. – М.: Русский мир, 2010. – 448 с.
8. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во София, 1991. – 350 с.

References

1. Bogdanov A. P. V teni Velikogo Petra [*In the shadow of Peter the Great*]. Moscow, Armada, 1998, 329 p.
2. Burovskii A. M. Petr Okayannyi. Palach na trone [*Peter the Damned. Executioner on the throne*]. Moscow, Armada, 2013, 390 p.
3. Klyuchevskii V. O. O russkoi istorii / Sbornik [*About Russian history / Collection*], Sost., avt. predisl. i primech. V. V. Artemov, pod red. V. I. Buganova. Moscow, Prosveshchenie, 1993, 576 p.
4. Morozov S. A. Kul'tura politicheskogo upravleniya [*The culture of political governance*]. Krasnodar, 1999, 168 p.
5. Omel'chenko N. A. Russkii etatizm i "russkii nigilizm" v politicheskom protsesse Rossii kontsa XIX – nachala XX vv [*Russian etatism and "Russian nihilism" in the political process of Russia in the late 19th – early 20th centuries*]. Upravlenie, 1918, vol. 6, no. 2 (20), pp. 74, 76.
6. Perevezentsev S. V. Russkaya istoriya: s drevneishikh времен do nachala XXI veka [*Russian history: from ancient times to the beginning of the XXI century*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2018, 571 p.
7. Talina G. V. Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroi poloviny XVII – pervoi chetverti XVIII v [*Choosing a path: Russian autocracy in the second half of the 17th – first quarter of the 18th century*]. Moscow, Russkii mir, 2010, 448 p.
8. Fedotov G. P. Sud'ba i grekhi Rossii [*The fate and sins of Russia*]. Izbrannye stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury: V 2 t. T. 1 [*Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: In 2 volumes. vol. 1*]. St. Petersburg, Sofiya Publ. House, 1991, 350 p.